

Художественные образы повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» в культурном коде киргизов

Ж. С. Хулхачиева¹, А. А. Касымбекова²

¹Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия, j.khulkhachieva@linguanet.ru

²Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия, aa.kasymbekova@mpgu.su

Аннотация. В работе впервые рассматриваются представленные в повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» важнейшие элементы культурного кода киргизов, восходящие к первоначальным этапам истории киргизского народа. Авторы решают три задачи: во-первых, выявить специфику авторской интерпретации актуальных в середине XX века аспектов культурного кода, которые обусловлены как историческими реалиями описываемой эпохи, так и личностью писателя; во-вторых, провести анализ киргизской и русской лексики, передающей исследуемые элементы культурного кода; в-третьих, изучить перевод лексики на английский язык с позиции адекватности. В работе применялись метод сравнительного анализа, метод сопоставительно-переводческого анализа, метод контекстуального анализа, метод компонентного анализа и метод семантической интерпретации.

Ключевые слова: Чингиз Айтматов, киргизский народ, культурный код, адекватность перевода, конь, юрта, аксакал, бай, аке

Для цитирования: Хулхачиева Ж. С., Касымбекова А. А. Художественные образы повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» в культурном коде киргизов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 118–125.

Original article

Artistic Images of Ch. Aitmatov's Novel "Farewell, Gul'sary" in the Cultural Code of Kyrgyz Nation

Zhenishkul S. Khulkhachieva¹, Anara A. Kasymbekova²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
j.khulkhachieva@linguanet.ru

²Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
aa.kasymbekova@mpgu.su

Abstract. This research is about the most important elements of the Kyrgyz cultural code presented by Ch. Aitmatov's novel "Farewell, Gul'sary!". Cultural code features remaining of paramount importance are considered in context of the long history of Kyrgyz people. The aim of the study is threefold: to describe the specificity of author's interpretation of elements of cultural code that continued to be particularly relevant in the middle of the 20th century is revealed, the historical realities and writer's personality; to analyze in Kyrgyz and Russian languages the vocabulary and studied elements of cultural code as well as its adequacy of translation into English. In the study, methods of comparative analysis, comparative translation analysis, contextual analysis, component analysis and semantic interpretation, are chosen.

Keywords: Chinghiz Aitmatov, Kyrgyz people, cultural code, adequacy of translation, horse, yurt, aksakal, bai, ake

For citation: Khulkhachieva, Zh. S., Kasymbekova, A. A. (2025). Artistic images of Ch. Aitmatov's novel "Farewell, Gul'sary" in the cultural code of Kyrgyz nation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 118–125. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Великий киргизский писатель-мыслитель Чингиз Айтматов, которого знают во всем мире как человека, описавшего во всей полноте образ жизни, культуру, традиции и самые разные стороны жизни киргизского народа, был и остается тем, кто сумел познакомить весь мир со своей родиной и его природой, многовековой историей, обществом, обычаями, языком и т. д. «Чингиз Айтматов в своих произведениях создал вселенную, в которой добро, любовь и человечность на первом месте. Судьба человека у него гармонично вписана в историю общенародной судьбы. Раскрывая насущные вопросы бытия, Чингиз Айтматов затрагивает самые тонкие струны души каждого читателя вне зависимости от его идентичности» [Хулхачиева, Аляутдинова, 2021, с. 141]. Подтверждением тому служат переводы его произведений на 174 языка и превышающий 80 млн общий тираж изданий. Существует много научных работ, где внимание ученых уделяется разным аспектам творчества Ч. Айтматова [Калмурат, 2020; Дуйшембиева, 2018; Мейрамгалиева, 2015; Джусупов, 2017]. В таких исследованиях можно встретить как положительные, так и критические взгляды на рассматриваемую повесть, а также на описываемую в ней эпоху.

Цель настоящей работы заключается в выявлении в тексте повести «Прощай, Гүлсары!» авторских особенностей представления наиболее важных элементов культурного кода киргизского народа в середине XX века.

Исходя из поставленной цели, необходимо решить следующие конкретные задачи:

- 1) рассмотреть особенности понятия «культурный код» в контексте жизни киргизского народа середины XX века;
- 2) определить основные способы перевода киргизских выражений с русского и киргизского на английский язык;
- 3) выявить сходство и различие переводческих приемов при переводе киргизских реалий на русский и английский языки.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическую базу составляют тексты повести Ч. Айтматова «Прощай, Гүлсары!» на оригинальном русском и киргизском языках и ее перевода на английский. Автор создал повесть на русском языке в 1966 году, позже вышло в свет несколько вариантов ее киргизского названия: «Кош бол, Гүлсары!» (буквальный перевод, известный в незначительной степени благодаря экранизации на казахском языке 2008 года с идентичным звучанием «Кош

бол, Гүлсары!»), «Жаныбарым, Гүлсарым» (перевод А. Жакыпбекова – «Родной мой, Гүлсары» (букв. «Животинушка мой, Гүлсары»), считается вольным переводом), «Гүлсарат» («Конь Гүлсары»), который был выбран самим автором в 1978 году. На английский язык текст был переведен Дж. Френчем под названием «Farewell, Gul'sary!»¹ в 1970 году.

При подготовке настоящей статьи использованы различные методы исследования, применяемые в языкознании и литературоведении: метод сравнительного анализа, метод сопоставительно-переводческого анализа, метод контекстуального анализа, метод компонентного анализа, метод семантической интерпретации.

Название и первые страницы произведения уже дают возможность прочувствовать, что оно написано Ч. Айтматовым на двух языках неповторимо своеобразно и вместе с тем типично, «классически» для его творчества. Обращаясь к национальным особенностям Киргизии, автор повествует о послевоенной жизни киргизского народа на фоне его чаяний и надежд: о том, как все ждали победу, как верили в светлое будущее, как простые колхозники мечтали, чтобы жизнь изменилась к лучшему.

У понятия «культурный код» существуют разные толкования, каждое из которых вряд ли возможно считать исчерпывающим ввиду многоаспектности, структурной сложности и практической неисчерпаемости того, что его формирует. А. М. Клименкова справедливо отмечает, что к наиболее распространенным подходам в определении культурного кода относится концепция Дж. Фiske, который трактует его как систему знаков, управляемых «определенными правилами, которые распространены среди представителей определенной культуры, предназначенной для генерации и циркуляции смыслов в этой культуре и для этой культуры» [Клименкова, 2013].

Как отмечает В. В. Красных в своей работе «Этнопсихология и лингвокультурология», культурные коды соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человечества остроении Вселенной и несут эти знания новым поколениям. Они универсальны по своей природе, но детерминированы субъективным (традиционным этническим) фактором, поэтому кодирование культурного пространства всегда носит национальный характер и является специфическим для каждого этноса [Красных, 2002].

Несмотря на все многообразие подходов к трактовке этого термина, в его формулировках и толкованиях имеется, на наш взгляд, общее содержательное ядро, которое в контексте цели

¹Aitmatov Chingiz. Farewell, Gul'sary! Translated by J. French. London: Hodder & Stoughton, 1970.

настоящей статьи можно сформулировать следующим образом: культурный код – это уникальная для данного общества (как на уровне данного народа-национальности, так и для многонационального общества) устойчивая система знаков и символов (как материальных, так и представленных в различных нематериальных формах), знаний, представлений, эмоций, присущих как данному обществу в целом в течение той или иной исторической эпохи или нескольких эпох, так и каждому его индивиду в том или ином социально и культурно-идентификационно значимом объеме в течение всей жизни.

Исходя из предложенного понимания дефиниции «культурный код», можно с уверенностью сказать, что для киргизов конь, юрта, уважительное обращение к старшему и образно-смысловое восприятие этого обращения, имя человека являлись составляющими, без которых невозможна настоящая, полноценная, наполненная смыслами бытия жизнь человека, идентифицирующего себя с киргизским народом и своей Родиной. Именно это можно четко увидеть и прочувствовать в повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» через личность главного героя-табунщика – фронтовика Танабая Бакасова, его взаимоотношения с другими героями, с любимым конем Гульсары, а также через многочисленные образы, эмоции и смыслы, заложенные как во фразах героев, так и в авторском тексте, и в социокультурном контексте произведения.

В повести представлены такие системообразующие элементы культурного кода киргизов, как *ат* (конь), обращения к старшим мужчинам *бай / аке, аксакал, боз үй (юрта)*.

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТУРНОГО КОДА КИРГИЗОВ

Конь (Ат). Киргизы считают коня своим другом, веря, что Бог сотворил его из остатков той же глины, из которой сотворен сам человек. Народная мудрость гласит, что конь – крылья молодца (*Ат адамдын канаты*). Юноша (по-киргизски *джигит*) немислим без коня, без уважения к нему, без миссии защитника семьи, защитника аила – Родины в качестве исторически укоренившегося образа воина-всадника. О коне в народе сложены сотни поговорок и пословиц, например:

Без коня богатырь – не воин (Эрдин аты эрге тең)
 Кто коня холит, тот пешим не ходит (Ат сыйлаган жөө баспайт)
 Заблудившийся конь всё равно найдет свое стойло (Адашсаң, атыңа ишен)
 Кто коня не уберет – тот остался без ног (Аты жоктун буту жок).

В повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» можно встретить разное отношение и соответствующие высказывания людей к иноходцу Гульсары, который получил имя за свою необыкновенную светло-желтую масть. Примечательно, что у древних тюркских народов (и отнюдь не только у них), к которым относились енисейские киргизы – предки нынешних киргизов, конь был одним из солярных символов. Возможно, отсылка к образу коня как символу Солнца и зашифрована в имени Гульсары. Кроме того, сема *гуль (цветок)* в киргизской культуре в немалой степени связана с солнцем, что, в частности, нашло воплощение в солярных орнаментах на щитах киргизских воинов разных эпох, в орнаментах на мужских колпаках и связанных с ними многих других объектах материальной культуры.

Рассмотрим некоторые, по нашему мнению, наиболее интересные высказывания о коне.

Фраза, в основе которой лежит веками укоренившееся народное представление о коне как о друге человека и как о верном спутнике настоящего мужчины:

- Мындай жорго такымына тийгенде киргиз баласынын *төбөсү көккө жетип*, колтугуна канат бүтөрү да ырас!
- Великая честь для киргиза, когда под ним бежит такой знаменитый иноходец.
- It was a *great honour* for a Kirgiz to ride on such a *famous pacer*.

Сравнивая киргизский, русский и английские тексты, можно увидеть, что в киргизском тексте больше описываются ощущения человека, которому предоставлен шанс оседлать такого коня: *на седьмом небе от счастья, вырастают крылья*; в русском варианте эмотивная составляющая передается скромнее, и делается равнозначный акцент как на человека, так и на коня; в английском переводе наблюдается практически такая же равнозначность смыслового акцента, как и в русском тексте: *great honour* и *famous pacer*. Данный пример подтверждает имеющие место различия образа коня в рассматриваемых лингвокультурах. Если у киргизского и русского народов конь в позитивном и отчасти сакрализованном осмыслении и эмоциональном восприятии связан не только с выполнением воинских и прочих подобных подвигов вместе со своим доблестным хозяином, но и с работой в хозяйстве в качестве кормильца (у киргизов – в кочевом и полукочевом, у русских – в земледельческом), то у англичан конь воспринимается в основном как боевая или скаковая единица.

Интересен разговор главного героя – табунщика Танабая – с шофером, которого встречает по пути домой. Очерстевший сердцем шофер говорит о коне так:

- Алдагы **өлөсөнүбү?** Ой, *ит карайбы мунуңу*, жардан нары кулатып жибер, карга-кузгун жеп коёр. Келе, жардамдашып коёлу.
- Вот эта **дохлятина?** *Да брось ты его собакам*, столкни вон в овраг – и делу конец, склюет воронье. Хочешь, поможем?
- What, this **bag of bones?** Go on, *leave it to the dogs*, push it over into the ravine ... that'll be the end and the crows can peck it. Like us to help you?

В настоящем примере киргизское слово *өлөсөнүбү* и русское *дохлятина* имеют одно и то же значение, в отличие от английского словосочетания *bag of bones*, который означает как *мешок с костями*. Этот пример показателен для оценки степени точности перевода. Если в оригинале автор пишет *да брось ты его собакам*, а в киргизском тексте мы видим близкое по значению *ит карайбы мунуңу* (имеет в виду, что эту дохлятину даже собаки не станут есть, даже собакам противна), то в английском переводе получается несколько иначе: *этот мешок с костями, оставь собакам*. С одной стороны, можно сказать, что английский перевод не совсем точен, если ставится задача передачи именно смысла. Однако если переводчик добивается передачи не только смысла, но и эмоций, то такой перевод можно считать вполне адекватным. Не можем не согласиться с мнением Л. Л. Нелюбина, что для верного воспроизведения образа в художественном переводе на другом языке следует отказаться от буквализма. Необходим творческий, но не произвольный подход к оригиналу, который сохранил бы созданный автором образ во всей его индивидуальности [Нелюбин, 2013]. На наш взгляд, английский переводчик сумел создать в переводе те же чувства и эмоции у своей аудитории, какие возникают у читателя при прочтении оригинала повести.

Следующий яркий пример связан с использованием эпитета *Buttercup* (*лютик*) в английском тексте (переводческий прием «дополнение»), отсутствующего в киргизском и русском текстах:

- **Аты** күндөн күнгө алдан тайып баратканын Танабай көптөн бери байкап келетат.
- Он уже давно начал замечать, что **конь** вроде сдаёт, слабеет.
- He had noticed a long time ago that his **old pacer, Gul'sary or Buttercup, because of his light-yellow coat**, was beginning to falter and weaken.

Рассмотренный пример подтверждает тезис о том, что творческие амбиции приводят переводчика к разным интерпретациям оригинала и взаимно нетождественным переводческим решениям [Филиппова, 2024]. В английском переводе Дж. Френч, добавляя слово *Buttercup*, дает возможность своим читателям расшифровать значения киргизского слова *Гулсары*, что, на наш взгляд, считается удачным переводом.

ОБРАЩЕНИЯ К СТАРШИМ МУЖЧИНАМ

Бай. Литературные герои повести обращались к старшим мужчинам не только по имени и отчеству в соответствии с нормами официального русскоязычного речевого этикета, но и используя традиционное обращение *бай*. Так, например, обращается заведующий фермой Ибраим к Танабаю, когда тот приехал с помощником забрать Гульсары:

- Ассолоому алейкум, **бай**.
- Ассалом алейкум, **ба-ай!**
- Assalom aleikum, **bai!**

Примечательно, что в русской версии автор намеренно тонически растянул звук [а] в слове *бай*, придав обращению некую эмоциональную составляющую, которая может восприниматься по-разному, в том числе как некая искусственная вежливость. В английском переводе обращение *бай* передает те же чувства, что и в киргизском и русском языках, но с минимальной потерей эмоциональной окраски.

Аке. Обращение к *аке* мужчине старшему по возрастус возможным опущением последнего слога имени свойственно жителям Таласской области и иных районов северо-западной Киргизии. Так к главному герою обращается все тот же Ибраим:

- **Мал-жан аманбы?** *Жылкы кандай, Танаке*, өзүңөр жакшы жатасыңарбы?
- **Как лошади, Танаке**, как сам?
- How are you? **How are the horses, Tanabai?**

Танаке является производным от имени Танабай при утрате последнего слога *бай* и одновременном замещении его словом-слогом *аке*. И в том, и в другом варианте имени говорящий произносит его с уважением к старшему и без тени фамильярности.

Интересно заметить, что в английском переводе обращение *аке* никак не передано, что, на наш взгляд, представляет пусть и несущественное, но всё же снижение адекватности перевода.

Отметим, что родственное *аке* южнокиргизское *акя* или распространенное на северо-востоке Киргизии *ага* / *ава* при использовании в речи не предполагают сокращения имени того, кому адресовано обращение.

Нельзя не обратить внимания на структуру фразы Ибраима: сначала спрашивает, целы ли лошади, а затем интересуется о хозяине. Для киргизов приветствие *Мал-жан аманбы?* считалось нормой в те времена (сейчас эта норма сохраняется преимущественно в горных районах). Это объясняется тем, что из-за природных условий (сели, лавины и т. п.) многие часто теряли свой скот и даже свое жилье. В русской версии повести Ч. Айтматов опускает эту фразу, а в киргизском добавляет эти реалии, чтобы всё было сразу понятно киргизоязычной аудитории. В английском тексте переводчик сначала спрашивает о здоровье хозяина, затем о лошадях, что правильно с точки зрения любой лингвокультуры народов, сформировавшихся в условиях оседлого хозяйства равнин. Хотя у русских и англичан отношение к коню уважительное и бережное, однако они в речевых оборотах не ставят животное выше человека. Данный пример служит подтверждением мнения И. Г. Жировой о том, что переводы играют исключительно важную роль в межкультурной коммуникации, оказывая влияние на развитие национальных языковых культур, в чем-то обогащая, а в чем-то ущемляя их [Жирова, 2023]. Действительно, в данном фрагменте английского текста переводчик сумел избежать непонятной фразы для английской лингвокультуры, тем самым опустив (как и в русской версии повести) значимую фразу для киргизского народа (*Мал-жан аманбы?*).

Аксакал. Сема *ак* имеет устойчивую ассоциацию с белой бородой пожилого человека, которого называют *аксакал* (букв. 'белая борода'). Но, по нашему мнению, этот перевод на русский язык не исчерпывает всего многообразия этого слова. Рассматриваемая сема также связана с символическим светом и мудростью прожившего жизнь человека. Его лицо обрамлено бородой, цвет которой совершенно не имеет значения. При этом именно киргизский аксакал ассоциируется с белым колпаком – национальным головным убором киргизских мужчин. Поэтому, на наш взгляд, для русского и английского текстов правильно, что исходное *аксакал* не переводится и передано заимствованиями:

- **Аксакал**, атканага барыңыз, сизге башка бир ат тандап койдук, – деди. – Картаңыраак, картаң болсо да сиздин ишинизге жарайт, – деди.
- Идите, **аксакал**, на конюшню, мы там коня другого подобрали. Староват, правда, но для вашей работы сойдет.

– “Go, **aksakal**, to the stable; we have got a new horse for you. True enough he’s old, but he’ll do for your work”.

Сема *ак* имеет также значение «белый, счастливый, добрый, светлый» и неразрывно связана со многими важными образами, персонажами, названиями и т. п., лежащими в основе миропонимания киргизов.

В русской и английской лингвокультурах подобной весьма значимой представленности понятия «белый» и «white» и образующих корней (сем) в культурном коде не наблюдается.

ЮРТА (БОЗ ЫЙ)

Киргизы – это народ, который, можно сказать, «родился и окреп» в прочных и теплых юртах. Для них как юрта, так и кочевье с юртами, представляли собой и колыбель каждого человека, и семейный очаг, и отечество (букв. 'ата журт' < 'юрт' / 'журт') в разных масштабах – от родного поселка до страны-государства в целом. Несомненно, без юрты невозможно было бы представить существование киргизского народа.

Жизнь киргизов в юртах очень точно представлена в повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!». Автор описывает и особенности подвигшегося воздействию идеологии той эпохи мировоззрения, поведение и отношения людей в послевоенное время, затронувшие весьма существенно взаимосвязь человека и юрты. Если раньше киргизы-кочевники не представляли свою жизнь без юрты, то в повести многие из них захотели раз и навсегда отказаться от своего доставшегося как от далеких предков, так и от поколения отцов исконного жилья, за что и были наказаны. Будучи поставленными в условия отказа колхозного руководства от юрт, табунщики, не получив никакого жилья взамен, были вынуждены жить в старых юртах, которые они пытались сохранить и сберечь, продлевая их век. Это хорошо описывается в повести.

Ошенткен Танабай эми Торгой чалдан арткан кырк тешик, ыш баскан карала **үйдө** турат. Туурдугу тозуп, үзүгү миң жеринен бычылган **үй** дагы да болсо Жайдардын бүйрөлүгүнөн, талыкпай күндө жамап жаскаган ишмерлигинен чыдап келатат. Колунан темене менен шоона түшпөй жамап жатса деле апта өтө электе кайра бычылып, ар жеринен күн көрүнүп калат. Тешик-тешигинен шамал үйлөп, кар кирип, жамгыр шорголоп кетет. Күн ачылар замат сыйрып алып, жадабаган Жайдар кайрадан жамоого киришет. Ошентип жамоодон көзү ачылбайт.

Теперь он жил в дырявой, прокопченной **юрте**, доставшейся от старика Торгоя. **Юрте** было много лет, и если она кое-как держалась, то только благодаря долготерпению Джайдар. Целыми днями чинила, латала она **юрту**, приводила ее в жилой вид, а через неделю-другую снова расползалась кривая кошма, снова зияли прорехи, задувал ветер, сыпал снег, протекал дождь. И опять жена принималась за починку, и конца этому не было видно.

Now he was living in a leaking soot-impregnated **yurta**, left to him by the old man, Torgoi. It was very many years old and it had only held together due to the long-suffering Dzhaidar. She was busy mending it for days on end; she patched it up to make it habitable and in a week or two she was having to repair it again, the roof had given way, again there was a gaping hole, through which the wind blew, the snow or the rain leaked. She got to work once more and mended it, but there was no sign of an end to this sequence.

В примере описывается юрта, где жил Танабай с женой. Если в русском и английском текстах употребляется слово **юрта** / **yurta**, то в киргизском тексте, оно встречается крайне редко, так как для любого киргиза абсолютно ясно, что если речь идет о доме в горах, то это может быть только юрта, которую они называют **боз уй** или сокращенно **уй**, что по значению значительно шире. При этом автор в киргизском варианте повести в ряде мест использует и словосочетание **боз уй**, которое означает «юрта», а также слово **уй**, которое в зависимости от контекста переводится не всегда как «юрта», но в ряде случаев «дом», «жилье». При прочтении данного отрывка, когда автор описывает состояние юрты, возникает такое ощущение, что Танабай несет наказание за свои призывы, которые когда-то произнес на одном из комсомольских собраний, что нужно отказаться от юрты, потому что это «дореволюционное жилище».

И жена, уставшая чинить дырявую столетнюю юрту, говорит мужу:

– Деги качанга чейин азап чегебиз, кудай-ай, – деп жаны кашаят Жайдардын. – Карачы, ушу да кийизби, кийиз эмей эле курмушу да, колго илинбей үбөлөнүп турат. Тиги **кереге-ууктарыңдын** кейпин көр! Чоочун көзгө көргөзгөндөн уяласын. Колхозундан жаңы кийиз сурасаң боло.

– До каких пор будем мучиться? – жаловалась она. – Смотри, это же не кошма, а прах, сыплется, как песок. А **кереге-ууки** во что превратились! Стыдно сказать. Ты хоть добился бы, чтобы дали нам хотя бы новые кошмы. – “How long will we suffer like this?” she would complain. “This is not a sheet for the roof, but rubbish; it falls apart like sand, and the **supports**, what a state they

are in. It’s shameful. At least you should see that they give us a new roof sheeting.

Обратим внимание, что употребленное в русском варианте **кереге-ууки** в английском можно передать только описательно. Переводчик использовал **supports**, что означает «поддерживающее что-нибудь, подпорка, опора». Здесь мы видим замещение реалии исходящего текста реалией принимающей культуры в переводном тексте, которое представляется неадекватным приемом [Филиппова, 2024]. Однако слово **кереге-ууки** является языковой реалией (в таком фонетическом варианте относится только к киргизской юрте) и обозначает каркас, состоящий из **кереге** (образующие решетчатую стенку пересекающиеся брусья) и **ууки** (жерди, формирующие собою свод юрты и соединяющие кереге с тундуком – самой верхней, сакральной частью юрты – ободом с вставленными в него обычно четырьмя параллельными прутьями, пересекающимися под прямым углом с другими прутьями в том же количестве). На наш взгляд, английский перевод рассматриваемого фрагмента отвлекает читателя от самобытности демонстрируемой в повести картины мира и таким образом искажает ее восприятие: вводит в заблуждение читателей, не передает реалии, присущие киргизам и другим народам, для которых юрта является неотъемлемой частью традиционного быта и культуры.

Так в повести, особенно в финале, соединяются фундаментальные для культурного кода киргизов образы юрты, коня в разных ипостасях и умудренного жизнью (с ее радостями и печалью) пожилого человека-аксакала, надеющегося прийти к гармонии в вечной жизни, снова встретившись с обретшим вечную силу и молодость конем на небесных пастбищах с юртами для тех, кто сумел раскаяться в своих заблуждениях и после всевозможных странствований (как в прямом, так и в переносном смысле) вернулся к родной культуре и своим истокам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев приведенные примеры, можно сделать ряд выводов относительно авторских особенностей представленных в тексте исследуемой повести вышеперечисленных элементов культурного кода киргизов на русском и английском языках.

1. Юрта, переживающая время советских колхозов, несмотря ни на что, остается той основой культурного кода киргизского народа, которая никогда не теряла актуальности ни в одну историческую эпоху вплоть до времен, описываемых в повести. Юрта

предстает как постоянно возрождающееся «сердце» быта – бытия. При этом во всем тексте произведения чувствуется своего рода нравственный посыл автора к будущим поколениям киргизов, шире – киргизстанцев, который можно кратко, но вместе с тем емко сформулировать примерно таким образом: «нет киргизов без юрты, нет киргизской родины без юрты-отечества».

2. Конь представлен не только как спутник – друг мужчины, но также как символ преданности, силы, стремительности и других качеств, которыми должен обладать каждый киргиз. Кроме того, как можно полагать, конь в рассматриваемой повести, в мыслях Танабая и читателя, уходящий после этой жизни в небесные пастбища, осмысливается как символ надежд на возрождение и продолжение не только киргизских традиций, но и жизни, основанной на фундаментальных началах киргизской культуры. И это возрождение идет в последние десятилетия, которое успел застать и в котором принял активное участие Чингиз Торекулович.

3. Пожилой человек Танабай представлен не как некий абстрактный старик, а как человек,

который претерпел много лишений из-за попыток отхода от традиционного уклада и культуры своего народа. Он покался и вернулся к истокам, став настоящим аксакалом, воплощением мудрости, выстраданной ошибками молодости и поисками ответов на простые, но вместе с тем фундаментальными вопросами бытия: что такое дружба, верность, правда.

Реалии, передающие культурный код киргизов, во всех трех текстах представлены максимально точно и ориентированы на способности читателя понять текст повести на том языке, который для него является родным. В русском тексте в ряде мест есть небольшие отклонения от адекватной передачи киргизских реалий, в английском переводе отклонения более значительные, но в основном не нарушающие смысловое содержание и эмоциональное наполнение повести. Поэтому можно сделать вывод, что все три анализируемых текста в целом вполне адекватно передают киргизские языковые реалии, рассмотренные элементы культурного кода и реалии жизни киргизского народа середины XX века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хулхачиева Ж. С., Аляутдинова К. Ш. Произведения Чингиза Айтматова как инструмент формирования лингвокультурной картины у изучающих киргизский язык как иностранный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. Вып. 4 (841). С. 137–148.
2. Калмурат Т., кызы. Повесть Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары!»: к проблеме художественного билингвизма: сборник трудов конференции // Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 16 нояб. 2019 г.) / редкол.: Ж. В. Мурзина [и др.]. Чебоксары: Среда, 2020. С. 72–74.
3. Дуйшембиева А. Н. Повесть Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» в оценке американских литературоведов С. Соучека, А. Куалина, и Ш. Д. Грехэм // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). Ч. 1. С. 13–17.
4. Мейрамгалиева Р. М. Поэтика повести Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары!» // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2015. № 155 (3). С. 132–136.
5. Джусупов Н. М. Ч. Айтматов: семантико-стилистический аспект выдвижения в переводах заголовка художественного текста (русский, киргизский, английский, немецкий) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 4. С. 761–769. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-4-761-769.
6. Клименкова А. М. Культурные коды как факторы формирования ценностных ориентаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2013. №2. С. 5–12.
7. Красных В. В. Этнопсихология и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.
8. Нелюбин Л. Л. У истоков переводоведения // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1 (23). С. 137–142.
9. Филиппова И. Н. Перевод в переводе: стратегии передачи инокультурности (по «китайским» детективам Р. ван Гулика) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24. № 1. С. 38–46. DOI: 10.37482/2687-1505-V321.
10. Жирова И. Г. Прескриптивный и дескриптивный перевод идиоматических выражений с русского языка на английский // Вестник Государственного университета просвещения. 2023. Т. 16. № 8. С. 2450–2455.

REFERENCES

1. Khulkhacheva, Zh. S., Alyautdinova K. Sh. (2021). Proizvedeniya Chingiza Aitmatova kak instrument formirovaniya lingvokulturnoi kartiny u izuchaushih kyrgyzskiy yazuk kak inostrannyi. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and teaching, 4(841), 137–148. (In Russ.)
2. Kalmurat, T., kyzy. (2020). Povest Chingiza Aitmatova "Proshai, Gulsary!" k probleme hudojestvennogo bilingvizma. Current issues of research and teaching native languages and literature (pp. 72–74): materials International scientific practical conference. Cheboksary: Sreda. (In Russ.)
3. Duishembieva, A. N. (2018). Ch. Aitmatov's novel "Farewell, Gul'sary!" in the assessment of the American literary critics S. Soucek, A. Qualin and Sh. D. Graham. Philology. Theory & Practice, 8(86), 13–17. (In Russ.)
4. Meiramgaliyeva, R. M. (2015). Poetics of Chingiz Aitmatov novel "A Farewell to Gulsary". KazNU Bulletin. Philology series, 155(3), 132–136. (In Russ.)
5. Dzhusupov, N. M. (2017). Ch. Aytmatov: the semantic-stylistical aspect of foregrounding in translations of literary text's title (the Russian, the Kyrgyz, the English, the German languages). RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices, 14(4), 761–769. DOI 10.22363/2312–8011-2017-14-4-761-769. (In Russ.)
6. Klimenkova, A. M. (2013). Cultural codes as factors forming value orientations. RUDN Journal of Sociology, 2, 5–12. (In Russ.)
7. Krasnyh, V. V. (2002). Ethno-psychology and linguoculturology. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
8. Nelyubin, L. L. (2013). At the Origin of Translatology. Vestnik of P. G. Demidov Yaroslavl State University. Series: Humanities, 1(23), 137–142. (In Russ.)
9. Filippova, I. N. (2024). Translation in translation: Strategies for Conveying Foreign Culture (based on "Chinese" detective novels by R. van Gulik). Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences", 24(1), 38–46. DOI: 10.37482/2687–1505-V321. (In Russ.)
10. Zhirova, I. G. (2023). Prescriptive and descriptive translation of idiomatic expressions from Russian into English. Bulletin of the State University of Education, 16(8), 2450–2455. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хулхачиева Женишкуль Саматовна

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой языков и культур стран СНГ и ближнего зарубежья
Московского государственного лингвистического университета

Касымбекова Анара Адилбековна

кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры начального филологического образования им. М. Р. Львова
Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Khulkhacheva Zhenishkul Samatovna

PhD in Philology, Assistant Professor
Head at the Department of Languages and Cultures of CIS and the Near Abroad
Moscow State Linguistic University

Kasymbekova Anara Adilbekovna

PhD in Philology
Senior Lecturer at the Department of Primary Philological Education named after M. R. Lvov
Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	20.03.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	17.04.2025	
	20.04.2025	